

# УРОКИ ОДНОГО СЕЗОНА

**Ч**ЕМ больше задумываешься над итогами минувшего сезона Калининского драматического театра, тем меньше понимаешь его творческую позицию. Картина получается не только весьма пестрая, но и крайне противоречивая. Сказанное в равной мере относится и к тому, что сделано, и к тому, как это сделано. Общеизвестно: основой работы драматического театра является драматургия. Иными словами, репертуарная афиша. Поэтому необходимо в первую очередь осмыслить, из чего складывается репертуар сезона, осмыслить вдумчиво и непредвзято. Ибо именно здесь — первоисточник всех сценических побед и поражений. И здесь же, думается, причина того, что в творческом отношении театр основательно лихорадит. Коллектив нашего театра достаточно зрелый, профессионально грамотный, и он не нуждается в снисходительных облегченных оценках.

Итак, репертуар... В нем четырнадцать названий, из них шесть — премьерных (не считая двух спектаклей для детей). Рядом с пьесами художественно и идейно значимыми, важными и театру и зрителю, такими, как «Иней на стогах» или «Конец Хитрова рыла», соседствуют названия случайные, новость как и новость зачем попавшие в репертуар. И прежде всего я имею в виду «Шаги командора» В. Коростылева и «Домик на окраине» А. Арбузова. К спектаклям по этим двум пьесам следует присмотреться особенно пристально.

Оставляя в стороне более чем сомнительную историчность драматургии «Шагов командора» (это тема отдаленного большого разговора) и весьма спорные ее художественные достоинства, можно со всей категоричностью утверждать: на постановку данного произведения театр попросту не имел права как по своим общим сценическим возможностям, так и по составу труппы. Вынужденные послепервые замены исполнителей после первых же спектаклей ничего в сущности изменить не могли. А ведь о Пушкине спектакль должен быть либо очень хорошим и правдивым, либо не состояться вообще.

Еще хуже произошло с постановкой арбузовского «Домика на окраине». Была сделана попытка сценическими средствами рассказать о судьбе коллектива военного завода, оказавшегося в прифронтовой зоне. Рассказа не получилось. Написанная во время войны и исправленная десятилетия спустя, эта пьеса — отнюдь не лучшее произведение маститого драматурга. Разумеется, каждый художник имеет право на неудачу и даже на срыв. Но непонятно, зачем понадобилось театру принимать эстафету неудачи? Столь рисованный шаг мог быть оправдан только очень вескими идейно-эстетическими соображениями. Каких? Где они? Очень трудно понять, что же театр хотел сказать зрителю этим спектаклем. Очевидные слабости пьесы оказались усугубленными примитивностью и неряшливостью постановки. Получился спектакль

без стержня, без ясной режиссерской концепции, спектакль профессионально непримлемый.

И в этой связи со всей серьезностью возникает вопрос: имеет ли смысл приглашать сторонних режиссеров на разовую постановку? Ответ не однозначен. Безусловно, имеет, если это, скажем, Георгий Товстоногов с его спектаклем «...Правду! Ничего, кроме правды!». Безусловно, не имеет, если это, как в данном случае, В. Федоров, молодой неопытный режиссер, поставивший «Домик на окраине». К сожалению, случай не единичный. Стоит припомнить неудачную постановку «Последних» Горького дипломантом ГИТИСа Л. Вайнштейном. Калининский театр — не экспериментальная студия и не учебная база для начинающих режиссеров.

Что касается старых постановок, оставленных в репертуаре нынешнего сезона, то и они далеко не равноценны. Если «Физики и лирики», «Старик» или «Дальше — тишина» — спектакли большой гражданской глубины и высокого художественного мастерства — имеют полное право на долгую сценическую жизнь, то возвращение таких водевилей, как «Счастливый день» или, тем более, «Муж моей жены» ничем, кроме кассовых соображений, оправдать нельзя. Неприметно и грустно сошел с калининской сцены принципиально важный, партийный спектакль «Мария» по пьесе Салынского. Театр не смог (или не захотел) довести его до нужного идейно-художественного уровня, хотя претензии к этому спектаклю были предъявлены достаточно убедительно и ясно. А вот открыто пошлый водеvil «Муж моей жены» не стеснялся вести на ленинградские гастроли.

В репертуаре минувшего сезона только одно-единственное (!) наименование взято из великой сокровищницы драматургической классики — «Старик» М. Горького, спектакль двухлетней давности. Да еще в начале сезона было широкооказательно объявлено о предстоящей премьере пьесы А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Премьера не состоялась. (В скобках заметим, что обещание, данное даже в частном порядке, надо выполнять, и уж тем более, если оно дано общественности города).

В данном случае, по-видимому, имеет место не простая ущербность репертуара по недосмотру или пренебрежению к классике, а некое сознательное отступление от традиций. Ведь каждому ясно, что пьеса, написанная пусть сто или даже триста лет назад, но гениальной рукой, способна объяснить некоторые явления современности глубже и действительно ясной сегодняшней драматической подделки. Разумеется, при условии, что спектакль по классическому произведению поставлен на уровне искусства,

а не иллюстративного ремесла. При обращении к классике следует брать не только лучшие ее образы, но в первую очередь действительно актуальные темы для советского человека семидесятых годов, созвучные тому, чем он сегодня живет, чему радуется или огорчается. Выбор пьесы должен определяться не чьи-то субъективными настроениями и интересами, а общественной необходимостью и целенаправленными идейно-политическими соображениями.

И — удивительное дело: когда у руководителей театра спрашивают, почему в репертуаре нет пьес Чехова или Островского, следует незамедлительный ответ: у нас их некогда играть. А вот в спектакле о Пушкине — его времени — о Пушкине! — оказывается, «есть» кому играть. Надо полагать, немалое место в фанатическом отпаде от постановки произведений классической драматургии занимает боязнь неизбежных сложностей, всегда сопутствующих работе над классической пьесой.

В нынешнем году труппа театра пополнилась большим контингентом новых актеров, в основном молодежью. В определенном смысле это хорошо, но ведь и очень ответственно. С молодыми артистами надо кропотливо и грамотно работать. Потому что в противном случае получается... «Домик на окраине», со всем тем, что делают в этом спектакле молодые исполнители. Не говоря уже о режиссуре «шепталово-бормотального реализма». Когда-то в одном из московских театров на репетициях вывелись на примечательный плакат: «Хорошая дилемма — вежливость актера». В этом театре отлично понимали, что если слово, произнесенное актером, доходит не дальше десятого ряда партера, такому актеру незачем выходить на сцену.

Каждый артист, особенно молодой, должен видеть свою творческую перспективу на весь сезон, а может быть, и дальше. Ему крайне важно знать, когда и что он будет играть, и чему и как он обязан себя готовить. Этого, к сожалению, в нашем театре пока еще нет. В работе с молодежью остается незамеченной драматургическая классика. Ибо только на лучших ее образцах можно оттачивать актерское мастерство. Печальная необходимость заставляет напоминать театру столь прописные истины.

Целый театральный сезон — это законченный отрезок пути. Если, конечно, он пройден творчески, если театр шел своей, именно ему свойственной дорогой. А если бездорожье?... Не плодотворная целина художественного поиска, а незрячее, никакая не ведущее бездорожье? Тогда самое время остановиться, оглядеться и непременно постараться понять: чего же ждет зритель Верхневолжья от своего любимого театра?

Нелегко говорить большому, талантливому коллективу театральные слова. Но нельзя, недопустимо обходить молчалим ту сложную обстановку, в которой он оказался. Несмотря на ряд удачных спектаклей, свидетельствующих скорее не о благополучии, а о потенциальных возможностях театра, положение дел в нем внушает законную тревогу, и потому должно стать предметом доброжелательного, но отнюдь не комплиментарного обсуждения. И, конечно, не в тесных театральных кулуарах. Хотелось бы раздумывая этой статье считать началом такого давно назревшего великодушного разговора.

Я. ЗВЯГИН.